

"Мы и не догадывались, как мало мы знали!"

Международный литературный фестиваль: десять лет чуда

На Международном литературном фестивале (ilb) сирийский поэт Фуад Рифка зачитал стихотворение: "На землю радостно падает фрукт, когда он созрел. А стихотворение на бумагу: тихо подкрадывается, берет ручку, записывает себя и исчезает". Точно так же сам ilb подкрался к Берлину. Он появился здесь, как призрак.

По крайней мере, так, наверное, казалось привыкшей к разнообразию культурных событий берлинской публике. Когда в июне 2001 года открытие фестиваля началось с марафона речей, которые задали тон и масштаб будущих мероприятий, за плечами Фонда им. Петера Вайса и союза содействия лежали несколько лет подготовительной суеты. Название доклада американца Чарльза Симики, который родился в Сербии, "Прогноз погоды для утопии и окрестностей", пророчески-поэтически очертило будущую программу. В небо над городом вошли, ни много, ни мало, весь мир и его представление, его пыльные бури и летние облака.

На фестивале и должно быть немало пафоса. С самого начала ему была свойственна мания величия — и его импресарио Ульрих Шрайбер делал все возможное, чтобы превратить критику необозримого разнообразия в массовое восхищение. "Перенапряжение, — предвещал на открытии 6-го ilb с его всегда элегантно лаконичностью Йоахим Сарториус, — вызывает от определенного момента пуска некоторое облегчение". Предпосылкой для этого является неоспоримо высокое качество всех без исключения авторов и мероприятий ilb. Где бы вы не заблудились, вы никогда не потеряетесь. Конвейерные тексты телеведущих, которые в другом месте заполняют футбольные стадионы, модный трэш из ассортимента списков бестселлеров, коммерческие суррогаты жизненных советов или популистские слэмы на боксерских рингах здесь не ищите. Единственным критерием, по которому Ули Шрайбер и его консультанты выбирают авторов, — высокое качество хорошей литературы.

Под качеством подразумевается та очевидная вещь, что хорошая литература содержит в себе ответственность за человечество, а в широком смысле — политическое сознание. Она, по словам Изабель Альенде, которая залпами выдает интересные истории, "всегда принадлежит диссидентам". Не только в выступлениях на открытии фестиваля таких авторитетов, как Аарон Аппелфельд, Дэвид Гроссман, в разнообразии участников: от бывшего уполномоченного ООН Саши Тарура до очаровательной активистки Арундхати Рой, не только в исключительно политических дискуссиях из серии "Размышления", но и прозе, стихах, каждом прославлении красоты и глубины выражения языка, как и в самых нелепых историях, живет возможность сделать нас лучшими людьми. "Читательница — это вершина цивилизации, потому что она, читая романы, научилась видеть себя глазами других", — сказала Нэнси Хьюстон в своем вступительном выступлении 2008 года.

Почитание писателей нешумное. Конечно, на ilb есть также Ночи поэзии, на которых время от времени может стать ритмично громко и экспрессивно, и при большом количестве знаменитостей натиск сторонников не всегда сопровождается благоговейной тишиной. Перед пуристской сценической завесой Якоба Матнера выступили Нобелевские лауреаты: Кэндзабуро Оэ, Надин Гордимер, Дорис Лессинг, Марио ВаргасЛьоса, а также

потенциальные кандидаты на получение Нобелевской премии Ко Ын и Ингер Кристинсен с ее расшатанной теорией множеств. Джейн Биркин тихо шептала воспоминания о Серже Генсбуре, шотландская приверженица откровенных любовных романов, она же их автор, Элисон Луиз Кеннеди высмеивала себя как "лесбиянку и владелицу похоронного бюро", португальский гроссмейстер Антонио Лобо Антунес запевал хор постколониальной вины, вольнодумец с пушистыми волосами Майкл Ондатже бормотал молчаливые Мгммм, поэт преувеличений Чак Паланик сообщил, что считает курение духовным, а ирландец Мэтью Суини, попивая шампанское, напоминал о себе тарактением колесного чемодана возле закуской.

В любом случае вы будете удивлены абсолютно неизвестным. "Удивляйтесь!" — Так мог бы звучать девиз ilb как вариация манифеста Стефана Эсселя ("Возмущайтесь!", и как актуальный вывод "Активизируйтесь!"). Наиболее захватывающим фестиваль становится тогда, когда он представляет мировых звезд завтрашнего дня. Колум Макканн, Александр Хемон, Тим Паркс, Моника Али, Камила Шамси, Саид Кашуа, Джонатан Сафран Фоер, Кадзуо Исигуро, Питер Кэрри, Джонатан Летем, Николь Краусс, Антье Крөг, Фредерик Бегбедер, Викрам Сет, Фрэнк Маккорт, Джошуа Феррис, Халед аль-Хамиси или финско-эстонская феминистка, автор романа "Очищение" Софи Оксанен, они все были рядом с авторами, чьи имена при всем желании запомнить непросто. Но кто знает, что еще можно будет услышать от Раттавута Лапхароенсапа, Натальи Сняданко, Николетт Есиненку или Аки Морчиладзе? Вряд ли посетитель одного из бесчисленных мероприятий ilb может вернуться домой без желания немедленно читать дальше и читать больше.

Ключевой приятный момент в, казалось бы, хаотичной беготне среди одновременных событий — непринужденная атмосфера. Ни один из более чем тысячи приглашенных авторов, не удерживается от похвалы по адресу идеальной организации, сердечного обслуживания, вина, захватывающей возвышенности и, наконец, признания ilb лучшим из всех литературных фестивалей мира. "Не всем повезло иметь такой фестиваль, который приглашает писателей со всего мира, смешивает все жанры, предлагает на одной и той же сцене поэзию и размышления, день и ночь, солнце и луну", — пишет Абдурахман Вабери из Джибути, живущий во Франции. Быть здесь означает для него "знать, что наш мир вращается по кругу". Эту радость мы, посетители, разделяем вместе с ним.

Еще одним чудом ilb, которое нельзя недооценивать, является то, что после десяти лет истории успеха фестиваль ни на секунду не производит впечатление устоявшегося. Он не утратил ни своей необозримости, ни многократно заявляемого шарма. За богатством программы, которая, казалось бы, выходит из берегов, скрывается желание открытия. И какой толк в этой обозримости, когда речь идет о том, чтобы очаровывать и познавать другие миры? Личность Ули Шрайбера излучает высокоимпульсивное воодушевление.

Выражение Ницше "Нужно иметь в себе хаос, чтобы быть способным родить танцующую звезду" могло бы быть сказано в его адрес. Его заинтересованность иностранной литературой и новыми авторами — ненасытна и достойна восторга. "Мы и не догадывались, как мало мы знали", — этим благородным смиренным признанием господин Шрайбер открыл ilb 2008 года с его акцентом на Африке. Это же он мог бы сказать и по поводу ведущей тематической направленности на арабскую, азиатскую,

латиноамериканскую, словом, все литературы. И он всегда убеждает нас разнообразием того, что стоит открытия, о чем мы и не догадывались.

Своим необычайным увлечением он ежегодно захватывает множество практикантов и волонтеров — их выход на сцену на открытии фестиваля стал тем временем брендовым знаком. Благодаря этому увлечению фестиваль получает нетрадиционных спонсоров, чья поддержка, к кошмару бухгалтеров, может заключаться даже в доставке продуктов питания. Ему также удается добиться того, что политики в области культуры больше не могут игнорировать фестиваль и появляются для провозглашения поздравительной речи. При этом литература сама по себе вовсе не феерическое ремесло. На ilb нет пышных приемов, вечеринок, парадных VIP-нарядов. Стол, стул, стакан воды — все, что нужно для чтения. Рассказчик, слушатель, переводчик, актер, ведущий и, возможно, для настройки на нужный лад — несколько вариаций гам от аккордеониста Айдара Гайнуллина ("Дар месяца"), лирических мелодий сибирского гитариста Алексея Вагнера, или просто скромный тамтам концентрированной тишины.

После четырех лет кочевания от театра НАУ в Кройцберге в дряхлые "Софийские залы" в районе Митте ilb 2005 нашел институциональное убежище в здании Berliner Festspiele. Обветшавшая лачуга из стекла и бетона бывшего Свободного народного театра (Freie Völksbühne) Эрвина Пискатора 1963 года в опустелом тем временем Западном Берлине стала для фестиваля счастливым случаем не только из-за близкого к литературе ее владельца. Главная и дополнительная сцена, на которых мероприятия могут проходить параллельно, необжитое верхнее и нижнее фойе с его каменными полами и по моде неудобными полками — идеальное убежище для многоголосого шепота обещаний. Стоячий бар, который окрестили названием "Кафе Набоков", с невысказанным упорством наполняется жизнью тех, кто в озвученных историях находит утешение для души.

Другие идут в шатер. Это диванная зона для авторов, сотрудников, гостей и тех, кто достаточно дерзок, чтобы напроситься самому. Там бьется тайное сердце ilb. На просиженной плюшевой мебели из фонда театральных принадлежностей пьют вино спонсоров и кофе, здесь предлагают руку и сердце, пишут рассказы, которые никогда не будут опубликованы. Здесь находится резиденция Элиота Уайнбергера. И вот начинается танго и Изабель Альенде выводит своего мужа, который недавно написал детективный роман. Красота и сила, успех и богатство здесь не правят бал, здесь себя славит бесклассовое общество литературы, в котором нет частной собственности на сигареты и фантазии. Это дух Международного фестиваля литературы. Это сказочный подарок всем нам. Десять лет чуда!

Забине Фогель

Перевод: Лина Залиток

Текст опубликован в "Книге BerlinerFestspiele" по случаю 10-летия руководства Berliner Festspiele Йоахима Сарториуса. Издательство: Berliner Festspiele 2011.